

ДА Л И Я

ТРУСКИНОВСКАЯ

ОСНАЖЕННАЯ В ШЛЯПЕ - КОРЗИНКА С БРИЛЛИАНТАМИ
БАЛЛАДА ОБ ИНДЮКЕ И ФАЗАНЕ
ПАРАБЕЛЛУМ ПО КЛИЧКЕ ДРУЖОК

Даля Трускиновская
Обнаженная в шляпе

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Обнаженная в шляпе / Д. М. Трускиновская — «Автор»,

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	13
Глава пятая	16
Глава шестая	19
Глава седьмая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Даля Трускиновская

Обнаженная в шляпе

Глава первая

ЗАВЯЗКА

В отделе коммунистического воспитания городской газеты на стене висел строитель коммунизма. Он свято находился там еще с шестидесятых годов и вид имел стандартный – красная спецовка, синие глаза, светлый чуб, к все это на фоне голубого неба со всякими новостройками. Лозунг же этого почтенного плаката был вдоль и поперек заклеен газетными заголовками, сколоченными в замысловатые и часто двусмысленные композиции. Сотрудники отдела задумчиво смотрели на дверь.

Виктор Зуев при этом меланхолично разгибал скрепки, Наташа Меншикова подпиливала сломанный ноготь, а главный отдельский заводила Игорь Кошкин одновременно сопел от нетерпения, ковырял пальцем землю в цветочном горшке и ерзал по всему подоконнику, потому что подоконник заменял ему и стол, и стул, и даже диван.

Тут дверь открылась и на пороге предстал человек, изумительно похожий на того плечистого строителя коммунизма. Это был лейтенант местного УВД Олег Соломин.

– Олежка? Чтоб ты сдох! – экстравагантно приветствовал его Кошкин.

– Добрый день, – сказал Зуев.

– Привет, – завершила церемонию Меншикова.

– Привет, – улыбнувшись всем сразу, ответил Соломин, но улыбка вышла какая-то служебная, и журналисты насторожились.

– Ты Костя ищешь? – спросил Кошкин. – Тогда садись и жди вместе с нами. Мы его уже полчаса ждем. Наш заводделом сгинул в неизвестном направлении.

– На планерку не пришел, представляешь? – добавила Меншикова. – У нас в понедельник в десять планерка, это свято!

– Никому не позвонил, никому ни слова, – пожаловался нудным голосом Зуев, весьма солидный, чтоб не сказать пузатый, мужчина двадцати восьми лет от роду.

– А домой ему вчера никто не звонил? – спросил Соломин.

– Зачем же звонить ему вчера, если он пропал сегодня? – резонно поинтересовался Кошкин и вдруг сообразил, что этот вопрос, – с подкладкой. – Ты что-то знаешь? Да? А ну, колись!

И он, спорхнув с подоконника, незримым для глаз образом преодолел плоскость письменного стола и встал перед богатырем Соломиным во весь свой невеликий рост, выпрямившись и вытянувшись в струнку.

За эту вот шустрость, за этот вот малый рост Кошкина в редакции прозвали Игрушкой, и прозвище прилипло намертво.

Соломин обвел взглядом подчиненных своего приятеля. Подчиненные, как один, смотрели на него выжидающе.

– Ну, в реанимации Костяй, – мрачно сказал Соломин.

Меншикова ахнула. Зуев сломал скрепку.

– Ни фиги себе! – изумился Игрушка. – За каким лешим он туда попал?..

– Вот это я и должен выяснить. В общем, я туг сейчас лицо официальное, – строго заметил Олег. – Дело, ребята, было так. Сегодня рано утром Костяй протек к соседям. Они поскакали наверх ломиться в дверь. Дверь, вообразите, не заперта. В ванной потоп, а в комнате лежит

Костяй без сознания. Голова разбита, чем-то тяжелым ткнули. Ну, соседи вызвали скорую помощь, милицию. А утром это дело ко мне попало.

– Скажи... – разволновалась Меншикова. – Послушай, скажи, пожалуйста... он – как? Состояние, то есть?..

– Врачи говорят – постараются вытащить. Но еще несколько дней проваляется без чувств, это уж точно. И потом с ним не сразу можно будет говорить. А теперь перейдем к делу. Времени у меня мало. Так вот, недели полторы назад Костяй приходил ко мне. Он собрал материал про какой-то вороватый кооператив и рэкетиров. Поговорили... Он изложил дело в общих чертах, я ему кое-какие советы дал. Потом он звонил – оказывается, вышел на еще один кооператив, который шантажируют, И вот похоже, что не только наш Костяй вышел на рэкетиров, но и они – на него. Мне нужны все его блокноты, записи, черновики. Дома их нет. Я сейчас при вас открою его стол и возьму оттуда бумаги.

Соломин действительно открыл стол, и первое, что он извлек оттуда, был толстый и потрепанный том.

– Это мое! – потянулся за книгой Зуев. – Это я ему полгода назад давал! Если бы я знал, что это у него в столе!..

– Получай.

Зуев торопливо сунул книгу в потрепанный кейс.

– Это уже прошло на прошлой неделе! – узнал Игрушка в кипе жеваных блокнотных листков черновик опубликованного материала. – Выбрасываем. Он еще спасибо за уборку скажет.

– А это?

– Мой фельетон, – сказала Меншикова. – Решили дать ему вылежаться. Какой-то он не того...

– А это?

Игрушка и Меншикова переглянулись и пожали плечами.

– Значит, забираю.

Перешерстив таким образом весь стол, Соломин обрел здоровенную кучу макулатуры. Меншикова любезно выделила ему старую картонную папку, и с тем Соломин ушел, не вдаваясь в объяснения насчет хода следствия и лишь пообещав вызвать всех троих на допрос, когда это ему понадобится. Все попытки неумного Игрушки выудить информацию позорно провалились.

Когда Соломин отбыл, трое подчиненных Костяя Каблукова некоторое время задумчиво молчали.

– Хорошо иметь знакомого следователя! – с чувством произнес Зуев. – Не успели тебя по башке ухнуть, а он уже в твоих бумагах роется. Никакой волокиты.

– Постыдился бы! – одернула его Меншикова. – Раз в кои-то веки мы своими глазами видели оперативность нашей милиции, а ты и тут недоволен. Кстати, что это была за книга?

– Просто книга, – буркнул Зуев. – Ну, если вы не возражаете, я пошел. Мне в библиотеке надо поработать.

И, подхватив кейс, он двинулся к двери.

– Наташка, у него там фантастика! – воскликнул Игрушка.

Зуев не обладал молниеносной реакцией Игрушки. Он двигался с достоинством, даже когда речь шла о спасении книги из домашней библиотеки. Поэтому Игрушка и Меншикова запросто перехватили его и прижали к стенке.

Игрушку он бы запросто отбросил. Но поступить так с Меншиковой, которая в пылу побоища крепко к нему прижалась, он никак не мог. Зуеву отчаянно нравилась Меншикова.

Видимо, есть закон природы, гласящий, что крупным мужчинам должны нравиться маленькие пикантные блондинки с наивными при любом возрасте мордочками. Зуев закону соответствовал.

– Гони книгу! – приказал Игрушка.

– Книгу гони! – рявкнула Меншикова.

– Фантастика и детектив – совместное имущество! – и Игрушка указал на сей девиз, замысловато выполненный фломастерами прямо по обоям. А Меншикова без всяких цитат отняла у Зуева кейс, и дальнейший бой за книгу шел уже между нею и Игрушкой.

Собственно, они скорее обнимались, чем воевали, но книга при этом оказалась на полу и из нес вылетела фотография.

Игрушка нагнулся, поднял ее и восхищенно сказал: «Ого!»

А Меншикова заглянула ему через плечо и сказала: «Ой...»

Глава вторая БРАСЛЕТ

На фотографии была женщина. Но какая!.. Она сидела на диване, покрытом пушистым клетчатым пледом. Над диваном висели бра в виде колокольчика и глиняная тарелка с женской фигурой, стилизованной до нелепости. Нечеловеческая анатомия позволяла фигуре сидеть одновременно спиной и бюстом к публике.

Женщина пыталась, насколько могла, скопировать эту позу. И природная гибкость позволила ей максимально приблизиться к замыслу спятившего керамиста.

Одежды на женщине было – шляпа и браслет. Причем широкополая шляпа была надета так, что полностью скрывала лицо, а браслет – на щиколотку.

Было в этой стройной и привлекательной фигурке еще кое-что необычное – то, что всячески подчеркивалось и позой, и искусным освещением. Девица в шляпе так хитро расположилась на диване, что зрительское внимание оттягивала на себя большая круглая родинка пониже спины.

Снимок был достаточно художественным. Авторство сомнений не вызывало – Костя давно баловался такими штучками. И в то же время понять, кто там, под шляпой, не было ни малейшей возможности.

– Это у него дома, – сказала Меншикова. – Гля, тарелка! Помните, мы ему эту мерзость в прошлом году на день рождения подарили? Эротика на грани фола!

– Тарелка – это да, – согласился Зуев, – но кто бы это мог быть?..

– Не мог, а могла! – хихикнула Игрушка. – Да кто угодно! Коллекция у него богатая.

– По-моему, это Светка, – заметила Меншикова, – точно, Светка. У нее угловатые плечи.

– А по-моему, Корытникова, – задумчиво и без энтузиазма произнес Игрушка. – Светка задастая, а тут... м-м-м...

– С Корытниковой у него ничего не было, – уверенно отпарировала Меншикова, – а Светка за него замуж собиралась!

– Замуж за него собиралась Клавка Голубева, – хмуро поправил Зуев. – Это было еще до вас. Вся редакция галдела.

– Да ну тебя! – вдруг возопил Игрушка. – Какая, к черту, Голубева? Тарелка, братцы! Тарелке-то меньше года! Наташка, мы ее когда ему дарили? В ноябре?

– Ну?..

– А в редакцию мы с тобой пришли три года назад и уже ничего не слышали про Костя и Голубеву! Не проходит!

– Верно, – согласилась Наташа. – Снимку меньше года. Это еще может быть Кошелева. Или Шварц.

– Да, Кошелева здорово длинноногая... – мечтательно вздохнул Игрушка, предпочитавший высоких женщин.

– Значит, и Кошелева тоже... – загадочно сказала Наташа.

Зуев крутил носом и дулся.

Будучи подчиненным, он не встречал в обсуждение личной жизни начальства, но не одобрял ее с отчаянием обреченного. Да и было что не одобрять! Похождения Костя давно стали редакционной притчей во языцех. А женить его можно было, вероятно, лишь постановлением Верховного Совета, и то со скандалом.

– А в этом что-то есть, – заметил Игрушка, тыча пальцем в браслет.

– Да, я тоже так баловалась когда-то, – безмятежно сообщила Меншикова.

Зуев остолбенел.

Он, конечно же, знал, что под всеми блузочками и юбочками у Наташи имеются и грудь, и талия, и все прочее. Но мысль о том, что она позволяла кому-то любоваться собой, раздражала чрезвычайно.

– Так??? – без голоса прошептал он, не смея прикоснуться устремленным перстом к обнаженному телу на фотографии.

– Не-е, браслет на ногу надевала. У меня такой есть. На резиночках. Это плавленный янтарь. Их двадцать лет назад активно носили.

– Браслет на резиночках? – заинтересовался Игрушка.

– Ага, иначе бы она его на ногу не натянула. Знаешь, это все-таки не Кошелева. У Кошелевой лыжи тридцать девятого размера и щиколотка, как у гренадера. Она же чуть не до июня сапоги носит и в сентябре опять в сапоги влезает, чтоб поменьше позориться. А тут, видишь, подчеркивается – ишь, какая у меня ножка маленькая и щиколотка тонкая!

Они опять склонились над фотографией – щека к щеке, причем рука Игрушки ненавязчиво легла на бедро Меншиковой.

Это очень не понравилось Зуеву. Он выпучил глаза в поисках чего-нибудь этакого, способного отвлечь Игрушку от Наташиного бедра.

– Чушь какая-то, а действует! – говорил между тем Игрушка. – Браслет на ноге – это ж надо, а смотришь – и того, на душе приятно...

– Потому что игра, – объяснила Наташа. – Мы к сексу как относимся? С нечеловеческой серьезностью. На чем и горим. А тут – игра, легкость, улыбка, кокетство... Да что я тебе объясняю! Сам не дурак.

Тут Зуев увидел нечто, действительно его ошарашившее.

Это была картонная папка на его собственном столе.

Папка принадлежала Костяю, и как она попала на стол к Зуеву – было совершенно непонятно. Видно, тем же путем, что в свое время Наташина расческа – в ящик Игрушкиного стола, бутылка с клеем – в Наташину сумочку, а сигареты Игрушки – в задний карман штанов некурящего Костя.

– Чтоб ты сдох! – поняв, в чем дело, накинулся Игрушка на Зуева. – Теперь Соломина придется искать! Все перевернули, а про эту папку забыли!

– Чем вопить, ты бы сбегал, догнал его, – посоветовала Меншикова. – Далеко он уйти не мог.

Если в голове у Игрушки возникал позыв к немедленному действию, то Игрушка срывался с места и исчезал со сверхзвуковой скоростью. Куда-то нестись, сметая на лету прохожих, прыгать в движущийся транспорт и выпрыгивать из него, налетать на мирных граждан с требованием молниеносной деятельности – все это было блаженством для Игрушки, блаженством, недоступным прочим смертным. Поэтому он схватил папку и смылся, оставив за собой след в виде полосы разреженного воздуха, как от пушечного ядра.

Судьба в тот день побаловала Игрушку. Он издали увидел, как Соломин стоит на остановке и как подходит трамвай. Соломин сел в первый вагон. Игрушка в отчаянном рывке настиг второй. На остановке он перескочил в первый, но толпа не дала ему пробиться к Соломину. Когда же на второй остановке Соломин вышел, та же толпа задержала Игрушку и он поехал дальше. Пулей вылетев уже на третьей остановке, он понесся назад и увидел как Соломин входит в здание УВД. Пришлось и Игрушке последовать туда же.

Они встретились у дверей кабинета.

Объясняя, что произошло, и размахивая папкой, Игрушка вошел вслед за Соломиным в кабинет, дошел до стола и замолчал.

Перед ним поверх разложенных бумаг лежал янтарный браслет на резиночках.

Глава третья ПОДРОБНОСТИ

Не успел Соломин и слова молвить, как Игрушка схватил со стола янтарный браслет.

– Где ты это взял???

Соломин нахмурился, молча отнял у Игрушки браслет и положил в стол.

– Нельзя трогать посторонними руками вещественные доказательства, – пояснил он.

– Вещдок? – блеснул словом Игрушка. – Ты хочешь сказать...

– Ну да, эту штуку нашли в комнате у Костя, на ковре.

– С пальчиками?.. – без голоса, на вдохе, восторженно спросил Игрушка.

– Отпечатки есть, но смазанные.

– А другие?

– Никаких.

Соломин уселся за стол, а Игрушка, пылая желанием помочь, устроился напротив.

– Так не бывает, – сказал он, – Ты можешь мне рассказать, как это все случилось? Я же не пойду трепаться!

– Я все утро опрашивал жильцов, – ответил Соломин, – и оказалось, что никто ничего не видел и не слышал. То есть те, кто маялся бессонницей, слышали спор, два мужских голоса и один женский, слова неразборчивы. Потом выстрелы. А потом тигры зарычали. Или львы.

– Чушь какая! В него же не стреляли! Кто, львы?!

– Этажом выше всю ночь видики смотрели. Эти выстрелы со львиным ревом чуть не весь дом слышал. А остальное проворонили.

– Ясно...

– Если бы ясно! Во-первых, у Костя было целое сборище. Шесть человек, если не больше. В том числе и женщина. Она чуть ковер каблуками не продырявила. Шпильки! Затем – какой-то колхозник. Чернозему на подошвах приволок – целый огород. Старик еще среди них затесался. Или просто больной человек. Таблетку пытался выпить, она у него выскользнула и закатилась. Полиартрит у человека, надо полагать, а это болезнь не молодежная.

– А колхозник ~ он не старик?

– Нет, старик, похоже, был в простых туфлях, а вот колхозник – в кроссовках. Еще следы других кроссовок... Впрочем, это уже наши служебные проблемы – считать гостей Костя.

– Странная вечеринка... – пробормотал Игрушка. – Неужели ни одного пальчика на стакане?

– Женщина оказалась хозяйственной и помыла стаканы.

– Ни одного слюнявого окурка?

– Ты же знаешь, что Костяй разрешает курить только на балконе. Если окурки и были, то они разлетелись по всему микрорайону. Вот единственное, что можно потрогать руками, – браслет. Но трогать его ты не будешь.

– Какой-то он доисторический, – заметил Игрушка. – А как Костяй? Давай позвоним в больницу!

Соломин набрал номер, представился и задал краткие вопросы насчет здоровья Константина Телегина. Ответы он слушал довольно долго, и по выражению его лица Игрушка понимал, что врач на том конце провода злоупотребляет непонятной терминологией.

– Чего и следовало ожидать, – сказал Соломин, положив трубку. – Оперировали, отсосали гематому. Теперь еще не скоро к нему пустят. Но жить будет, это гарантируют.

– Интересно, долго ли он провалялся, пока. соседи вломились. Это можно как-то сообразить?

– Думаю, можно. Хотя и этот эпизод совершенно непонятен. Ты у Костя в ванной бывал?

– Ну?

– Помнишь, у него там висят фотоленки?

– Ну?

– Так кто-то аккуратно поснимал половину пленок с крюков и уложил в ванну.

– Пальчики!.. – прямо затрепетал Игрушка.

– Специалист попался, знает, как фотоленку правильно держать. Но это еще не главное.

Кран переключен на душ, а душ у Костя на гибком шланге. Так вот, головка душа лежала на полу и из нее во всю мощь била вода.

– Не слабо!

– Дверь оставлена открытой. Странные дела в ванной. Чернозем – настоящий, с удобрениями. Органическими. Мы проверяли. Словом – черт знает что!

– И браслет, – напомнил Игрушка.

– И браслет на ковре под диваном. Видимо, упал незаметно, не стукнув.

– И на дверной ручке нет следов?

– Дверь открывается на лестницу, ее можно захлопнуть и ногой. Сам Костя так захлопывает. – Что же ты будешь делать?

– Пошлю сотрудника опрашивать соседей. Кто в последнее время бывал у Костя. В смысле женщин.

Невзирая на мрачность ситуации. Игрушка расхохотался:

– Ну, тут тебе наговорят!... Этого добра у него в хозяйстве хватало! Всех проверять – жизни не хватит.

– Говорил я Костяю, что личная жизнь его погубит, – вздохнул правильный человек Соломин.

– Но хитрые черти эти рэкетеры! Сообразили, где у Костя ахиллесова пята, – фыркнул Игрушка.

– Это не пята, это совсем другая часть тела, – поправил его Соломин, – и вообще неизвестно, какую роль тут играла женщина. Совсем не обязательно, что ее подсунули как приманку.

– Все равно оно ахиллесово. Вот, значит, какие дела... Да... Как читаешь детектив – так с первой страницы ты уже умнее следователя. А как на самом деле... Это могли быть только рэкетеры?

– Воры? – недоверчиво спросил Соломин.

– Какие, к черту, воры! – взвился Игрушка. – Что можно украсть у советского журналиста?!

– Ну вот, сам видишь, не воры, Я на девяносто девять процентов уверен, что рэкетеры. Они же звонили ему. Кооператоры предоставили ему такую информацию, что дело запахло жареным. А балда Костя решил забежать вперед перестройки. Вообразил наверно, что он на Диком Западе, где можно сперва опубликовать разоблачительный репортаж, а потом передавать улики в руки полиция. А тут у нас совсем даже не Дикий Запад. Тут разоблачение можно давать в газетах, когда герои торжества уже за решеткой. Я говорил ему – дай ты эту информацию сперва нам! Он не послушал.

– Ты хороший человек, Олег, – печально сказал Игрушка. – Ты замечательный человек. Но ваша организация работает некачественно. И это знают все. Даже рэкетеры. Ну, я пошел. Если чего, звони. Мы всегда готовы помочь.

– Кроме шуток – сможешь разобраться в Костяевых блокнотах? Там у него и сокращения какие-то жуткие, и вообще...

– Аск! Всем отделом поможем!

«Аск!» – любимое словечко Игрушки. Неизвестно, сам ли он догадался перевести на английский русское «Спрашиваешь!», или у кого позаимствовал, но словечко ему шло. Как, впрочем, и все, что он использовал на работе и в быту.

Джинсы в дудочку, которые другого человека такого же сложения сделали бы тощим до уродства, ему шли. Только в таких джинсах его походка, то разболтанная, то резкая, казалась еще и привлекательной. Свитер с шестью дырками на груди в виде автоматной очереди, заштопанными пряжей другого цвета весьма художественно, ему шел. По летнему времени он носил майку, приобретенную в «Детском мире», – и в этом был какой-то неожиданный, юмористический шарм. Прошлогоднее воронье гнездо вместо прически тоже его не портило. Опытный женский глаз сразу видел, что взъерошенность объясняется густотой упругих и непослушных волос.

Глаза у Игрушки были такие, что никто не мог вспомнить их цвета. В память западало одно – что они ясные.

У него было два недостатка – малый рост и щуплое сложение. Но и эти недостатки в иных обстоятельствах оборачивались достоинствами...

Глава четвертая

УЛИКА

Разумеется, вернувшись в редакцию, Игрушка немедленно все рассказал коллегам.

– Тот редкий случай, когда наша милиция искренне готова сделать все, чтобы поймать преступников, – завершил он. – Олег собирается перелопатить всех знакомых Костя, даже тех, кто с ним общался три года назад.

– Надо бы дать ему наш телефонный талмуд, – додумалась Наташа, – Перебьемся пару дней и без него.

Отдел коммунистического воспитания держал один здоровенный, изготовленный из конторской книги, телефонный блокнот на четверых. Номеров там было немногим меньше, чем в городской телефонной книге.

Игрушка немедленно цапнул талмуд и ринулся к дверям.

– Постой! – схватил его за рукав Виктор Зуев. – Возьми еще эту мерзость. Может, пригодится.

И он ткнул пальцем в сторону фотографии. Фотография лежала на подоконнике, и Зуев старался держаться от нее подальше.

– А на кой она Олежке? – резонно спросила Меншикова. – На стенку разве повесить? Так у них там, наверно, тоже одних строителей коммунизма вешать разрешают. Это же не вещественное доказательство. Лица не разглядеть, одежды никакой, один браслет.

– И тот уже у Костя в кабинете... – отрешенно, уже соображая, произнес Игрушка.

– Разве что пятно на заднице, – подвела итог Наташа.

И тут Игрушку прорвало.

– Ребята! – воскликнул он, грохнув кулаком по снимку. – Я кретин! Ведь эта женщина была ночью у Костя! Поняли? Это же она! Она привела рэкетиров... или они ее подсунули?.. Или они через нее на него вышли?.. Это же она забыла у Костя браслет!

Тут все трое ринулись к подоконнику и, толкаясь, стали разглядывать преступницу. Но, как они ни тарацились, лицо оставалось в тени шляпы и было неопознаваемо.

– Ну, отнесу я эту девицу Олегу! – в отчаянии воскликнул Игрушка. – Ну и что? Что он по такой фотографии определит?!

– Шляпа, – весомо сказал Зуев. – Можно начать со шляпы.

– Сам ты шляпа! – перебила его Наташа. – Сразу видно старого холостяка. Шляпа у женщины – это... ну, мобильный, что ли, предмет туалета. Каракулевая шуба – она стационарный предмет, а шляпа – мобильный. Ее можно купить сдуру, надеть один раз и навеки сунуть в шкаф. Или выменять на другую. Или одолжить для большого выхода в свет. Или вообще подарить. Может, эта шляпа, – тут она ткнула пальцем в фотографию, – уже вообще на Камчатке! Может, ее и брали-то напрокат только для того, чтобы попозировать?

– Наташка права, – согласился Игрушка, – шляпа не улика.

– И браслет уже не улика, – добавила Меншикова, – потому что у нее его больше нет.

– Вы хотите сказать!.. – возмущенно начал Зуев.

– Вот именно!.. – хладнокровно перебил его Игрушка. – Вот единственная улика. Единственная ниточка. Других у следствия пока нет.

– Да-а... – протянула Наташа. – Эта ниточка нашей милиции не подходит. По такой примете она вовеки никого не найдет. Она же у нас шибко еломудренная... когда не надо.

– И все же я отвезу фотографию Олегу, – решил Игрушка. – Чтобы знал...

– Даже если бы Олег вздумал искать женщину по такой примете, как ты себе это представляешь практически? – ехидно поинтересовалась Наташа. – Вызывать женщин в кабинет и

при понятых предлагать им раздеться, что ли? Или опрашивать свидетелей – мол» не замечали ли вы у своей коллеги по работе, вариант – соседки, большой родинки на мягком месте? В этой ситуации он попросту бессилён.

– Он бессилён... – и туг лицо Игрушки озарилось и просветлело, – но мы-то не бессильны!

– Совсем рехнулся! – констатировал Зуев.

– Мы – частные лица и можем раздевать кого хотим, – продолжал Игрушка. – Все трое. Мы составим список наиболее возможных кандидатур и завтра же приступим...

– Двое, – поправила Меншикова. – Я лично раздевать женщин не собираюсь. Меня неправильно поймут.

– Старуха, будь выше этого! – отмахнулся Игрушка. – Итак, начнем со списка. Бумагу, бумагу мне!

– Ну тебя к черту, – проворчал Зуев. – Тоже нашел себе забаву! Патер Браун! Я вот сейчас поеду с талмудом к Соломину и расскажу ему, чем вы тут занимаетесь.

Игрушка открыл было рот, чтобы свирепо возразить, но Меншикова ткнула его локтем в бок.

– Езжай, Витек, езжай, родненький, – с подозрительной нежностью пропела она, – но только запомни, лапушка... Никому, кроме Соломина, об этом снимке – ни слова! Понял, старый башмак?

– Почему так? – насторожился Зуев. – А потому, что у Костя было несколько романов в редакции. Возможно, на картинке – кто-то из наших коллег. Или бывших коллег. Теперь уразумел?

– Уразумел! – ошарашенно отрапортовал Зуев.

– Тогда езжай, Витек, езжай, голубушка, расскажи Олегу все подробно, а лучше всего – привези его сюда.

И Наташа сунула Зуеву под мышку талмуд.

Когда Зуев отбыл, Меншикова показала ему вслед длинный язык и обратилась к самоуглубившемуся Игрушке:

– Ну вот, зануду спланировали, теперь можно и поработать. Садись-ка ты. Игрушка, за машинку и вставляй три... нет, четыре экземпляра. Чтобы и Соломину хватило.

– Ты молодец, Наташка, – похлопал ее по плечу Игрушка. – Ты просто молодец.

– А что мне еще остается? – сердито спросила она, – Ждать, пока нас всех рэкетеры или еще какая сволочь в больницы уложат, пользуясь расцветом общественного целомудрия? Я, Игрушка, просто женщина, понимаешь, и я не люблю, когда моих друзей стучают всякой дрянью по голове. Я как женщина имею право жить в тишине и спокойствии. И если общество не может защитить меня, я сама себя вынуждена защищать – ну, и своих друзей тоже. Так что пиши... Номер первый...

– Алена Корытникова, – решительно произнес и тут же напечатал Игрушка. – А не боишься?

– Я ж тебе говорила, что у Костя с Корытниковой ничего не было. Боюсь. Но ведь что-то делать надо!

– На всякий случай Корытникову надо проверить. Я займусь этим лично! – И Игрушка против номера первого напечатал свои инициалы «И.К.». – Черт бы побрал этого Витьку! Ведь струсил, скотина! Струсил и прикрывается моральными устоями, гад!

– Ну, если вопрос с Аленой стоит так... Номер второй. Светлана Тимофеева. Номер третий... ну, эта, которая дизайнер! Помнишь, он прошлым летом все время ее приводил!

– Виолетта! А фамилия». Ну, бог с ней, потом узнаем. Номер третий – просто Виолетта. Номер четвертый – знаешь кто? Сюзи!

– Сюзи-Сюзи-кис-кис-кис! – радостно пропела на мотив «Чижика-пыжика» Наташа. – Знаешь, когда у него с Сюзи началось? Когда мы ездили в финскую баню, помнишь? А насчет Витьки не беспокойся. Зуева я беру на себя.

Глава пятая

ДЕЛЕЖ

Зуев действительно привез в редакцию Соломина, и некоторое время они стояли в коридоре у отдельных дверей, не решаясь открыть их, потому что слушали финал следующего Игрушкиного монолога:

– ...так же невозможно, как всемирный потоп! Мало того, что у нее короткие ноги и низкий зад, она еще и неряха! А Костяй не терпит нерях. Ты к ней когда-нибудь близко подходила? Она же не знает, что такое дезодорант! Нет, эта кандидатура отпадает!

– По другой причине! Просто ты уже знаешь, что у нее там нет никакой родинки!

– Как я мог это узнать?!

– Эмпирическим путем! Сплетница ты. Игрушка! И про дезодорант врешь. Прямо басня про лису и виноград. Зелен виноград! У тебя с ней какая-то ерунда получилась, а потом ее увел Костяй – вот ты и злишься...

Тут, во избежание дальнейших разоблачений, Зуев и Соломин принялись старательно топтаться и кашлять. Затем они открыли дверь. Игрушка и Наташа обернулись.

– Вот, – сказал Игрушка. – Восемнадцать штук. Судя по тому, как близко к сердцу приняла эту задачу Наталья, она и будет девятнадцатой. Возможно, есть другие женщины. Но о них мы ничего не знаем.

– Вы молодцы, ребята, – сказал Соломин, – но я вам тут ничем помочь не могу. Это не моя компетенция.

– Не в моей компетенции, – поправил Игрушка. – Но ты бы хотел, чтобы этим кто-то занялся и доложил тебе о результатах?

– Ты же сам все понимаешь, – вздохнул Соломин.

– Ох уж это мне целомудрие в государственных масштабах, – в унисон вздохнула Наташа и покосилась на Зуева. Поймав его взгляд, она села на край стола и не стала поправлять всползшую довольно высоко юбочку.

– Ох, ну его к черту! – воскликнул Соломин.

– Кого? – хором спросили Игрушка и Наташа.

– Это... целомудрие! Вы ведь мне поможете, ребята?

– Аск! – сказал Игрушка.

– Аск! – подтвердила Наташа.

– Я в этом вашем эротическом разложении не участвую, – проворчал Зуев.

– Ну и катись тогда к чертовой бабушке, – беззлобно послал его Игрушка.

– Катись, катись! – яростно поддержала Меншикова, соскакивая со стола и подходя к Зуеву вплотную. – Друг в реанимации, а он тут половое воздержание проповедует! Катись, катись, ангел божий! И дверь поплотнее закрой!

Она стремительно повернулась к Зуеву спиной, простучала каблучками к окну, неведомо как в руках у нее оказалась косметичка, запахло дорогими духами, а Наташа стала старательно выводить контур губ, уже и без того пронзительно-розовых.

– Вы понимаете, что эта женщина связана с рэкетирами и что вам предстоит определенный риск? – не обращая внимания на Зуева, начал деловой разговор Соломин.

– Нам грозит кое-что похуже, если эту шайку не поймают. Они ведь не отцепятся от Костяя, – ответил Игрушка.

– Вы понимаете, что я не во всякой ситуации смогу вам помочь, ребята?

– Я готов к этому, – скромно сказал Игрушка.

– Есть ситуации, в которых Игрушка обходится без посторонней помощи, – заметила Меншикова. – И сдается мне, что это такой случай.

Игрушка польщенно хмыкнул.

– Вы все с ума сошли! – вдруг заорал Зуев.

– Ты еще не упорхнул? – изумилась Наташа. – Порхай отсюда, бестелесный!

– Тогда договоримся так, – сказал Соломин. – На каждого из вас приходится по девять кандидатур. Отправляясь на задание, вы сообщаете мне время и место встречи с кандидатурой. Если будет возможность, я подстрахую...

– Давайте наконец делить баб! – воскликнул Игрушка. – Я беру пока Корытникову, Тимофееву и Виолетту. Ты, Наташка, берешь Сюзи-Сюзи-кис-кис-кис.

– Ты прав, – заметил Соломин, – у Наташи в этой области меньше возможностей, она девять кандидатур не потянет.

– А тебя не интересует, какими методами мы добудем информацию? – лукаво поинтересовалась Наташа.

– М-да... – ответил Соломин. – Методы, конечно, будут предосудительные. Да не смотрите на меня так! Я тоже человек, в конце концов, а не вот этот!..

Он мотнул головой в сторону строителя коммунизма.

– Ребята... Ребята!.. – вдруг заскулил Зуев.

– Ты еще здесь? – яростно повернулся к нему Игрушка.

– Ребята... я тоже подстраховать могу!..

– Ну и иди в госстрах! Агентом будешь! – рявкнула Наташа. – Иди, иди, они хорошо зарабатывают!

– А я вот чем займусь! – вдруг додумался Соломин. – Я негатив этого снимка поищу. Вряд ли Костяй щелкнул только этот кадр. Там наверняка целая пленка отснята. Может, и лицо найдется!

Игрушка заметно скис.

– Костяй как порядочный человек должен был подарить модели эту пленку, – догадалась Наташа. – В таком разе найти ее будет сложно.

Игрушка ожил.

– Я буду это знать к вечеру, – заверил Соломин. – Когда вы приступите к поиску?

– Я – завтра. И пойду одновременно по трем направлениям, – пообещал Игрушка.

– Тебе легче, – вздохнула Меншикова. – А я пока даже не представляю, как к этой Сюзи подступиться. Разве что...

– Ребята, ребята!.. – опять заныл Зуев.

– Сгинь! – хором ответили ему.

– Я тоже согласен!..

– Чего?! – Игрушка уставился на Зуева, как на приведение.

– Я тоже возьму шесть кандидатур, – гордо сказал Зуев и посмотрел на Наташу.

– Ни хрена! – отрубил Игрушка. – Ты способен ходить вокруг женщины по полгода. А тут время дорого.

– Не потянешь, Вителюшечка, ой, не потянешь! – пропела Наташа и еще покрутила носиком.

– Потяну! – пасмурно буркнул Зуев.

– И окунешься в эротическое разложение? – недоверчиво полюбопытствовал Игрушка. – И окунусь! Игрушка, Наташа и Соломин переглянулись.

– Вот тебе на пробу одна кандидатура, – сказал Игрушка. – Людмила Ковыльчик. Преподаватель английского языка в репетиторском кооперативе «Лингва». Вот адрес кооператива...

Зуеву вручили бумажку с фамилией и адресом, и пока он ее изучал, Наташа показала Игрушке два торчащих вверх пальца – победный знак «ВИКТОРИ».

– Ну, Витек, справишься – озолочу! – лукаво сказала она, когда Зуев оторвался от бумажки.

Тот посмотрел на нее загадочно и не ответил.

Глава шестая

КЛУБ ДУРАКОВ

Зуева посетило-таки запланированное Наташей озарение!

Он понял, почему его робкое ухаживание не производило на нее решительно никакого впечатления, Она попросту не считала его мужчиной, способным раздеть женщину.

Ну до такой степени не считала, что при осознании этого несчастья Зуева охватила совершенно звериная ярость. Ведь что хуже всего – сам же он себе все это устроил! Кто выступал против эротического разложения? Зуев. Кто обозвал художественно обнаженную натуру мерзостью? Опять же Зуев.

Обратного пути не было. Или он раздобудет информацию о наличии родинки у Людмилы Ковыльчик, или Наташа потеряна навеки.

Разумеется, у Зуева была некогда личная жизнь. Но какая-то странная. И он, и его недолговременная подруга оказались не в меру стеснительны. Они проделывали то, что полагается проделывать в постели, но даже мысль о том, чтобы увидеть друг друга обнаженными, безумно обоих смущала.

Таким образом, задача, стоящая перед Зуевым, была достаточно сложна. Он еще допускал, что в рекордные сроки совратит эту самую Людмилу, но вот зажечь ночник и откинуть одеяло.» Он погрузился в размышления. Соломин уже откланялся. Наташа с Игрушкой уже повесили на стенку поперек строителя коммунизма очередную полосу ватмана со свежесозревшим девизом: «Не пожалей тела ради общего дела!», – а он все еще размышлял. И, надо отдать ему должное, нашел-таки оригинальный выход из положения.

Упершись в тупик окологостельных размышлений, он догадался развернуть проблему другим ракурсом: разве женщины бывают голыми только в постели?

И тогда Зуев позвонил Юзефу. Юзеф был боцманом на крупном судне и ходил в заграничку. Зуев с ним дружил – в тех редких случаях, когда Юзеф околачивался на берегу и снабжал редакцию фотоэтюдами из морской жизни. И Зуев безумно завидовал Юзефу, вернее, эпическим зачинам его морских баск: «Когда я был на Гибралтаре...»

В одной из таких баек и фигурировал «Клуб дураков».

Так в Испании называют забавные магазинчики со всякой дрянью для розыгрышей. Там можно приобрести совершенно натурального паука или жестяную тарелку – будучи брошена на пол, она производит грохот, как целый поднос посуды. Но Зуев нуждался не в тарелке.

Юзеф оказался дома. И Зуев сходу выразил желание купить у него одну штуковину, Приобретенную несколько лет назад и насмерть поссорившую Юзефа с тогдашней невестой. Юзеф хохотал в трубку четыре минуты по часам, потому что Зуев и пикантный розыгрыш – это были, как гений и злодейство, две вещи несовместные.

Зуев перетерпел все издевательства и поехал к Юзефу.

Пробыл он там недолго.

Дальнейший его путь лежал в кооператив «Лингва».

Людмила Ковыльчик оказалась высокой шатенкой, тонкой, но с круглым личиком, вполне в духе Костяя. Зуев, как всякий журналист, умел с убедительным видом пороть чушь – не так артистично как Игрушка, и не так очаровательно, как Наташа, но все-таки... Он внушил Людмиле, что скоростное освоение английского языка для него – вопрос жизни и смерти. Оказалось, это удовольствие стоит недешево. Зуев решительно заполнил квитанцию, заплатил в кассу и стал полноправным членом группы.

Нежность и внимание Наташи Меншиковой того стоили.

План был таков. Сходив на несколько занятий, Зуев вроде как получал право пригласить обаятельную преподавательницу в кафе. Но не вечером, а попросту днем, и даже не в душном городе, а на взморье. Заодно они могли бы сходить на пляж, искупаться, позагорать... Главное в плане было – попасть на пляж.

Правда, Зуев не представлял, как справиться с задачей меньше чем за две недели. Но судьба спешила ему навстречу.

– Проклятая сумка! – сказала Людмила, когда квитанция была оформлена и они прощались у дверей кооператива. – Как я ее до вокзала дотащу?

– А вы – на взморье?.. – с трепетом спросил Зуев.

– На взморье! Обещала сестре утюг отвезти и еще кучу всего, у нее дача на самом берегу, и вот засиделась... А сейчас все туда едут, в электричку не протолкнуться, да еще сумка...

– Это вы из-за меня засиделись! – решительно заявил Зуев. – Давайте сюда сумку.

Он ухватился за ручку с такой безумной радостью во взоре, что Людмила остолбенела.

Надо отдать Зуеву должное – почувствовав благосклонность Фортуны, он не стал мямлить, а ринулся в атаку. В электричке, куда он, естественно, увязался за Людмилой, сходу стал жаловаться на свою горькую судьбу и на женские капризы.

Он, Зуев, купил, видите ли, сестре подарок – импортный купальник» только что привезенный знакомым морячком, последний писк моды, купил по ее же поручению, а коварная сестра осталась недовольна, стала намекать, что, мол, надо поменять купальник на такой же, но другой... А когда Зуев обиделся, то купальник так у него и остался.

Никакой сестры у Зуева отродясь не было. Но он видел, как редакционные женщины галдят вокруг принесенной на продажу импортной тряпки. И здраво рассудил, что Людмила из того же теста.

Разумеется, она заинтересовалась. Прямо по прибытии Зуев усадил ее на лавочку под акацией и развернул купальник.

Он был действительно очень наряден – весь в безумных орхидеях и еще каких-то пестрых цветочках помельче.

Людмила осведомилась насчет цены. Зуев сказал, что с ценой сложно, ему морячок уступил не очень дорого, сам же он тоже не спекулянт. И вообще – пусть Людмила примерит купальник, может, и она, как коварная сестрица, найдет в нем недостатки.

Примерять купальник они пошли на пляж. Когда Людмила вышла из кабинки, Зуев испытал желание пожать плечами и почесать в затылке. Такой красоты он не понимал.

В легонькой блузке и длинной пышной юбке с широким поясом Людмила смотрелась очень мило. А сейчас выяснилось, что и плечи у нее мальчишеские, и талия широковата, а длинные ноги тонки в икрах и чересчур круглы в бедрах. Зуев сравнил ее мысленно с маленькой Наташей – и призадумался. Он догадывался, что у Наташи очень женственная фигурка – с грудью, талией и бедрами, и все это при маленьком росте выглядит очень аппетитно, но вдруг и тут – обман зрения при помощи юбок, поясов и прочего камуфляжа?..

Впрочем, когда Людмила пошла по песку впереди него и он увидел полоски незагорелой кожи – уж очень глубоко был вырезан и сверху, и снизу орхидеистый купальник, – то какое-то шестое или седьмое чувство подсказало Зуеву, что Костяй – не дурак...

Зуеву тоже пришлось раздеваться, и когда он шел рядом с Людмилой по пляжу, таща сумку, то отчетливо читал во взглядах встречных мужчин:

«И как только этот бегемот совратил такую фею?!» И он дал себе слово отныне бегать по утрам.

– А вода, наверное, уже теплая, – сказала Людмила.

– Искупаемся? – предложил Зуев.

– Но я еще не решила, беру ли купальник...

– Ну и что? Он все равно без ярлыка. Высохнет – никто и не подумает, будто в нем купались.

Людмила улыбнулась и шагнула в воду, Зуев – следом.

В этом уголке пляжа народу было немного. И он надеялся, что финальная часть плана особого скандала не вызовет.

Но наступил решающий момент.

– Выходим? – предложил Зуев.

– Ага! – согласилась она. Они медленно вышли на мелководье, и тут Зуев приотстал. И ему стоило большого труда заставить себя взглянуть на Людмилину спину.

Безумных орхидей и прочей ботаники на купальнике не было. Он обратился в прозрачную пленку. Сквозь нее Зуев отчетливо наблюдал всякое отсутствие родинок пониже спины у Людмилы.

Это была фирменная проказа «Клуба дураков». Зуев шел за Людмилой и трепетал. Главное – без шума достичь кустиков, где они оставили одежду. Высохнув, купальник опять обрел бы цвет, и счастливый исход казался таким реальным!

Когда до кустиков оставалось метра три, перед ними встал, как вкопанный, мужчина средних лет. Нижняя челюсть у него отвисла. Глаза сделались квадратные. Он глядел на Людмилу и дышал, как после армейского кросса с полной выкладкой.

Пораженная этим взглядом, Людмила остановилась. Предчувствуя дальнейшие события, Зуев проскочил вперед, скрылся за кустом и стал сгребать в охапку свои пожитки.

Поняв, что случилась какая-то ерунда с купальником, Людмила посмотрела на свой живот и... не обнаружила вообще ничего. Купальник, конечно же, был и ощущался пальцами. Но вот увидеть его глазами – дудки!

Людмила громко ахнула.

Зуев сделал быстрый вдох, короткий выдох и с места рванул во всю прыть.

Бегуном он был прескверным, но, поскольку за ним никто не гнался, метров через двести он, сопя, перешел на шаг.

Главное теперь было – никогда в жизни не встретиться с Людмилой Ковыльчик.

Глава седьмая

МОДЕЛЬ

Вместо ожидаемых комплиментов Зуев получил мощный нагоняй. Его потрясающая оперативность и находчивость были зачеркнуты намертво – ведь он упустил купальник! А этот потрясающий купальник можно было использовать не менее десяти раз – если не выводит!?! кандидатуру из воды посреди людного пляжа.

– Трудно было отвезти ее на речку? – негодуяще вопрошал Игрушка. – Трудно было дотерпеть до вечера?! В полумраке хоть голышом купайся – никто не заметит!

Слушая упреки, Зуев разглядывал фотографию и вздыхал. Он же, и не окуная Людмилу в воду, мог сообразить, что на снимке – вовсе не она. Оказалось, что спина спине – рознь. И Зуев, в ожидании следующего задания, втемяшивал в стыдливую память изгибы и округлости обнаженной незнакомки.

Наташа Меншикова обошлась без упреков, Она просто сквасила рожу и вычеркнула Людмилу Ковыльчик из списка.

Осталось семнадцать кандидатур.

Три из них уже числились за Игрушкой. Но начал он, естественно, с четвертой.

Дело в том, что Игрушку попросили об одолжении. Просила симпатичная девушка – он не мог отказать. Одолжение было такое – зайти в мастерскую, вызвать Петра Трофимыча, сказать, что от Лены, получить отремонтированный фотоаппарат и принести его на следующий день в редакцию.

Данный Петр Трофимыч трудился аккуратно возле Игрушкиного дома, а Лена жила на другом конце города.

И вот, получив аппарат и поразившись всяким импортным надписям на футляре, корпусе и объективе, Игрушка повесил его на плечо и зашагал к дому. Он планировал обзвонить три свои кандидатуры и хоть одной назначить randevu.

Поскольку и Костяй, и он вращались в одном и том же кругу мелких служащих, богемы невысокого ранга и местной интеллигенции, с большей частью списка он был кое-как знаком. И предлог для звонка потребовал бы незначительного напряжения фантазии.

Сочиняя три предлога, он и столкнулся с Мальвиной.

На самом деле ее звали как-то иначе. Кем она числилась на службе, никто не знал, возможно, лаборанткой на полставки, возможно, библиотекарем на фабрике с населением в триста малограмотных душ, Мальвину ценили не за это, а за декоративность.

Несколько раз она была у Костяя в редакции. Как-то Наташа видела их вместе в ночном барс. Причем как и с кем она сама попала в этот бар, осталось тайной.

Итак, красавица Мальвина, проходившая в списке под номером шестнадцатым и одетая, как всегда, экстравагантно до изумления, шествовала прямо на Игрушку.

Игрушка замер, схватившись за аппарат, и его осенило.

Больше всего на свете Мальвина жаждала быть в центре внимания – иначе не одевалась бы с таким варварским шиком и не шастала по городу в сапогах выше колена при жаре под тридцать градусов. Сапоги, правда, были из диковинной импортной ткани и с вентиляцией и вообще требовались, чтобы подороже продать пространство между ними и мини-юбкой с четырьмя разрезами, а мини-юбка служила пьедесталом для прозрачного балахончика, кое-как сцепленного на плечах, а цвет балахона служил фоном для крашенных кудрей Мальвины... Словом, одно цеплялось за другое, а в целом прямо просилось на обложку импортного журнала.

Это и осознал Игрушка...

– Мальвина, привет! – небрежно сказал он.

– Привет, Игорек! – ответила она и встала в позу светской беседы.

– Хорошо выглядишь, – констатировал Игрушка. – Жаль, я теперь не при деньгах, а то бы нанял тебя.

– Нанял? Это зачем? – насторожилась Мальвина.

– Позировать. Хорошая модель берет по шесть рублей за час. Впрочем, ты бы все равно не согласилась, даже за десятку. Обидно, Мальвинка! И так у нас в городе красивых девушек – раз-два и обчелся. А если встретишь, то уговорить позировать – практически невозможно. Не то, что на Диком Западе! Видала в журнале «Экспресс-фото» объявление на всю страницу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.